

ФИЛОСОФИЯ В ЛАТВИИ ЗА 40 ЛЕТ (1982 – 2022)

Майя Кулэ

Институт философии и социологии, Латвийский университет
ORCID: 0000-0001-9325-8446

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2022.01.00007>

Аннотация. Эпоха перемен всегда выявляет потребность в глубоком философском осмыслении. Периоды перемен в Латвии пришлись на 1985 – 1990 годы, когда Перестройка привела к отходу от марксизма-ленинизма, на 1988 – 1990 годы, когда философы стали активистами Народного фронта, и на последующие три десятилетия 1991 – 2022 годов, когда произошла смена философской парадигмы, обратившейся к мировым проблемам, глобализации, интеграции общества, правам человека, феминизму, гендерным исследованиям и т. д. Десятилетия после 1991 года были отмечены освобождением от ортодоксального марксизма, атеизма, экономического детерминизма и могут быть охарактеризованы как переход к феноменологии, структурализму и постструктурализму, герменевтике, прагматизму, к философским проблемам, поднятым Витгенштейном, Гидденсом и Бурдьё, к переосмыслению психоанализа (Фрейд, Юнг, Фромм, латвийские психоаналитические школы). В 1990-х годах академические философы открыли для себя идеи биовласти и биополитики Мишеля Фуко, деконструкции Деррида, углубили понимание позиций Хайдеггера, Гадамера, Хабермаса и других западных философов. В это время около тридцати важнейших философских текстов – включая основные работы И. Канта, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса (перевод Р. Кулиса), З. Фрейда, Х.-Г. Гадамера, Ф. Ницше и других (перевод И. Шуваева) – были переведены с немецкого, английского, французского, китайского и других языков на латышский. Латвийский университет стал признанным местом развития феноменологической школы в Латвии. В 2010 – 2022 годы философская мысль в Латвии характеризовалась плюрализмом направлений и углублением интереса к практической этике.

Ключевые слова: Латвийская философия, Кант, Мамардашвили, Мотрошилова, школа феноменологии, Хайдеггер, религиозная философия, перевод

Эпоха перемен всегда нуждается в глубоком философском осмыслении. Недавней эпохой перемен в Латвии видится период 1985 – 1990 годов – время Перестройки как стимула освобождения от марксизма-ленинизма, потом в 1988 – 1990 годы философы стали активистами Народного фронта, затем 1990 – 1991 год – восстановление независимости Латвийской Республики, и потом следующие три десятилетия – 1991 – 2021, в течение которых происходил парадигмальный поворот, особенно в социальных науках. Именно в этот период философия освободилась от марксистского детерминизма и совершила переход к структурализму и постструктурализму, герменевтике и прагматизму, к философии языка Витгенштейна, к пониманию общества с позиций Гидденса, к осмыслению понятия *habitus* с позиций Бурдьё, к психоанализу, к знакомству с идеями биовласти и биополитики Мишеля Фуко, к углубленному осмыслению философских доктрин Хайдеггера, Гадамера, Хабермаса и других западных мыслителей.

Известно, что философия предполагает как способность к рефлексии, так и критическое отношение к доминирующей идеологии, к догматизму предшественников, а также умение увидеть очертания будущего. Сорок лет, прошедшие после 1982 года, когда в Латвии еще царила стагнация советского порядка, но уже чувствовались западные веяния, были временем изменений представления о философии, периодом самокритики, апробации различных направлений, переводов философских трудов и разработок новых учебных курсов для программ изучения философии в вузах. Одним из значительных событий в жизни латвийской философской мысли стало основание направления феноменологии жизни, появившееся в Латвии в 1980-е годы и бывшее своего рода феноменом, обозначившим движение за независимость в это время. В эти же годы влиятельными фигурами для латвийской философии были Нелли Мотрошилова (1934 – 2021) и Мераб Мамардашвили (1930 – 1990).

После восстановления государственности Латвии в 1991 году политическая и образовательная системы были ориентированы исключительно на Запад, что закономерно вызвало изменения и в спектре философских идей. Не так давно А. В. Смирнов сделал важное замечание о русской философии после 1991 года:

Восприятие европейского (западного) цивилизационного проекта как универсального господствовало и продолжает в значительной мере господствовать в России и среди философов, и в обществе в целом. (Smirnov 2021: 2)

Латвийская философская мысль после 1990 года также переориентировалась на западную цивилизацию, что было характерно и для периода до 1940 года. В 1990-е произошло не только освобождение от принадлежности к марксизму, но одновременно исчезло желание причислять себя к атеистам. В процессе «миграции культур» обозначилась открытость, плюрализм, многообразие направлений духовных поисков и изменчивость взаимовлияний (*Latvija: kultūru migrācija* 2019). Принцип толерантности – как и в Европе – стал одним из основополагающих подходов в отношениях с инаковостью. Общество постепенно становилось более открытым, в то

время как система образования была настроена на принятие самых разных, зачастую противоречивых идей и влияний, допуская при этом и непоследовательные, недолговечные решения, которые иногда превращались в самодостаточный реформизм, как, например, предоставленная учащимся возможность не изучать в средней школе физику, химию и другие предметы естественно-научного профиля, ограничиваясь, в основном, освоением гуманитарных дисциплин. Сегодня этот подход 1990-х годов подвергается серьезной критике.

Прежде всего сделаем несколько шагов назад, чтобы рассмотреть в каких контекстах – культурных и языковых – формировалась современная латвийская академическая философия.

Некоторые латвийские мыслители-диевтуры (например, Эрнест Брастиньш, 1892 – 1942) утверждали, что предфилософская призма позволяет увидеть изначальные этические, социальные предпосылки образа мыслей уже в мифологическом наследии, в латышских народных песнях,¹ которые начали фиксировать в XVI веке (Brastiņš 1932). Некоторые упоминали хроники XIII века (Indriķa hronika, Atskaņu hronika) как отражение мировоззрения и образа жизни в племенных обществах того времени. Однако этот период можно считать предварительной фазой развития философии в Латвии – фазой, которая в опыте многих народов является важной частью вернакулярного культурного наследия. Движение диевтуров (богоискателей) в 1920 – 1930-е годы пыталось придать этому поиску древнейших ценностей характер национальной идеологии и видело в нем нравственные основы национальной жизни. В советский период это движение было запрещено, но после 1991 года стало романтически ориентированным объединением энтузиастов.

Академическая философия

Начало профессиональной латвийской философии связано с именем Екаба Осиса,² представителя школы персонализма, который в 1889 году стал профессором философии и педагогики Дерптского университета,³ а с 1893 года был деканом историко-филологического факультета этого же университета. Наиболее значимыми латвийскими философами межвоенного периода (1920 – 1940) были феноменолог Теодор Целмс,⁴ философ культуры Паул Юревичс,⁵ представитель «энергетического идеализма» Паул Далэ,⁶ писательница, деятель культуры и лектор Зента Мауриня,⁷ а

¹ Древнейшие письменные сведения о песенных традициях латышского народа можно найти в двух хрониках XIII века.

² Jēkabs Osīš (1860 – 1919) известен также как Яков Озе.

³ В 1893 году он был переименован в Юрьевский университет.

⁴ Teodors Celms (1893 – 1989) эмигрировал и скончался в США. Его философское наследие изучали М. Кулэ, У. Вегнерс, Л. Муйжниецэ и Э. Буцениецэ.

⁵ Pauls Jurevičs (1891 – 1981) эмигрировал и скончался в Австралии; его труды исследовали Э. Фрейберга, А. Балодис и Р. Зелтитс.

⁶ Pauls Dāle (1889 – 1968); его философское наследие исследовала Э. Буцениецэ.

⁷ Zenta Mauriņa (1897 – 1978) эмигрировала и скончалась в Федеративной Республике Германия; ее творчество анализировали А. Цимдиня, М. Кулэ и Э. Буцениецэ.

также ее супруг Константин Раудиве.¹ Среди философов, живших в межвоенной Латвии и писавших по-русски, можно упомянуть правоведа и философа культуры Василия Ивановича Синайского² и философа права Максима Яковлевича Лазерсона (1887 – 1951). Больше об истории идей в Латвии этого периода можно прочитать в трехтомной антологии под редакцией Эллы Буцениеце (Buceniece 1995, 2005, 2006) или в научных статьях, посвященных истории идей, культуры и литературы, собранных в энциклопедическом издании Латвийской академии наук *Latvieši un Latvija* (Латыши и Латвия) (научный редактор академик Янис Страдиньш), изначально вышедшем в четырех томах (2013), а затем переработанное в двухтомное издание *Latvija un latvieši* (Латвия и латыши) (2018, 2019) которое опубликовано на латышском, английском и русском языках.

Изучение истории философской мысли в Латвии было и есть задачей Латвийского университета. Это не только дань академической памяти, но и определенный образ жизни – способствовать развитию национального самосознания несмотря на то, что в обществе зачастую это остается малозаметным – общество потребления мало интересуется вопросами истории. Однако для самих университетских исследователей это важно с точки зрения миссии сохранения и поддержания культурной памяти, частью которой является история философских идей.

Философская мысль в Латвии, за исключением советского периода 1944 – 1990 годов, развивалась в русле западноевропейской традиции – под влиянием герменевтики В. Дильтея, философии культуры О. Шпенглера, философии жизни Ф. Ницше и А. Бергсона, феноменологии Э. Гуссерля, экзистенциальной философии М. Хайдеггера³ и др. В известной мере культурное пространство Латвии принимало и абсорбировало модели европейской мысли и практики, доказательством этого является рижский период Иоганна Готфрида Гердера,⁴ изучение феноменологии в Германии и критика Гуссерля Теодором Целмсом⁵ и феноменологическое учение Курта Штафенхагена.⁶ Эти авторы значительно повлияли на развитие философских идей в Латвии, что указывает на влияние, в первую очередь, немецкой философии на латвийскую философскую традицию. Влияние англо-саксонской аналитической

¹ Konstantīns Raudive (1909 – 1974) эмигрировал и скончался в Федеративной Республике Германия; его работы исследовали П. Зейле, Н. Гиллс и другие.

² 1876–1949; скончался в эмиграции, в Бельгии; его труды изучала С. Ковальчук

³ Следует отметить, что на латышском языке вышел сборник философских работ совместно с немецкими авторами «Heidegera Rīgas rudens» (Рижская осень Хайдеггера) (см.: Heidegers 2011).

⁴ Гердер во время своего пребывания в Риге (1764 – 1769) начал собирать латышские народные песни, именно тогда он пришел к мысли о ценности фольклора и к новым идеям философского понимания истории человечества.

⁵ В 1928 году латвийский философ критиковал Гуссерля за движение в сторону плюралистического солипсизма.

⁶ Штафенхаген (Kurt Stavenhagen, 1884 – 1951) создал учение о нации как общине.

философии было совсем незначительным, во многом из-за того, что в латвийской философской среде – изначально и до 1944 года – доминировал немецкий язык.¹

Влияние русской философской мысли на латвийскую, прежде всего, связано с экзистенциальными аспектами русской литературы. Так, например, произведения Ф. М. Достоевского стали источником вдохновения философских размышлений об этических проблемах как в межвоенный период в трудах Зенты Маурини (1897 – 1978), так и в философских эссе советского времени Ларисы Чухиной (2013 – 2002).² В центре внимания этих работ находилась природа человеческих страстей. Экзистенциальный трагизм мировосприятия Достоевского привлекает внимание и современных латвийских авторов, в том числе и студентов-философов, которые обращаются к его творчеству в своих академических работах.

В качестве важной части истории идей в Латвии XX века приходится упомянуть и активных представителей марксизма-ленинизма, которые в глазах советской власти считались теми, кто внес неоценимый вклад в развитие философии, а с современной точки зрения они выглядят, прежде всего, пылкими идеологами. Среди таких мыслителей можно упомянуть философа права Петериса Стучку,³ представителя Института красной профессуры Яниса Стиениса⁴ и профессора диамата Эрнста Карповица.⁵

Влияние Канта

Культурное пространство Латвии является частью христианской цивилизации и находится под влиянием идей эпохи Просвещения, ориентированной на образование, науку, права и свободы человека. Европейское Просвещение оказало значительное влияние на интеллектуальный ландшафт современной Латвии: например, *Academia Petrina* (Петровская Академия) в Митаве (Елгаве) может считаться ярким образцом попытки воплощения устремлений философов-просветителей. Основанное в 1775 году герцогом Курляндии и Семигалии Петером Бироном (Peter von Biron, 1724 – 1800) учебное заведение стало первой академической гимназией в истории

¹ За исключением периода первой аннексии Латвии в 1941 году и в 1944 – 1990 годах, когда были «ликвидированы буржуазные элементы» в Латвийском университете, а образование перешло на русский язык, что и предопределило на время доминирование русского в латвийской философии.

² Книга Ларисы Чухиной «Человек и его ценностный мир в религиозной философии» была написана в 1970-е годы, издана в Риге, в 1980 году издательством «Зинатне» (переиздание осуществлено в 1991 году). Коллеги издали сборник, посвященный 100-летию со дня рождения философа Л. А. Чухиной. См. ее биографию на сайте «Русские Латвии»: Персоналии. Лариса Чухина (<https://www.russkije.lv/ru/lib/read/l-chuhina.html>).

³ Петерис Стучка (Pēteris Stučka) родился в 1865 и был убит сторонниками сталинизма в 1932 году.

⁴ Янис Стиенис (известен также как Ян Стэн, Jānis Stienis, 1899 – 1937) был личным лектором Сталина, автором философско-публицистических сочинений, изданных в СССР в 1920 – 1930-х годах; убит в 1937 году.

⁵ Эрнст Карповиц (1892 – 1976) был профессором Латвийского государственного университета в 1960 – 1970-х годах и одним из наиболее интересных интерпретаторов диалектического марксизма, позволявший себе и глубокие интерпретации философии Гегеля. Его наследие исследовали К. Лусис и А. Вилкс.

герцогства. Главной же целью этого учебного заведения было распространение общего образования.

С Курляндским герцогством связана и биография Иммануила Канта. Его младший брат, Иоганн Генрих Кант (Johann Heinrich Kant, 1735 – 1800), после окончания Кенигсбергского университета, в 1758 году перебрался в Курляндское герцогство, где стал учителем, в том числе и в Митаве, а потом служил пастором в Альтрадене (Altrahden; сейчас – Вецсауле / Vecsaule). Сохранились сведения о том, что Иммануилу Канту было послано приглашение преподавать в Academia Petrina, от которого он отказался по причине неблагоприятного климата и дальности расстояния. Однако, важно отметить, что философские труды Канта впервые увидели свет именно на территории современной Латвии: в рижском издательстве Иоганна Фридриха Харткноха (Johann Friedrich Hartknoch, 1740 – 1789) были опубликованы «Критика чистого разума» (1781), «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» (1783) и «Критика практического разума» (1788), а в частной типографии в Лиепае была напечатана «Критика способности суждения» (1790). Также в архиве Академической библиотеки Латвийского университета находятся конспекты лекций Иммануила Канта, записанные его студентами из Латвии.

Сравнивая влияние классических немецких философов на философскую мысль в Латвии, можно констатировать, что, вне сомнений, наибольшее воздействие на нее оказал именно Кант. Философия в Латвии никогда не имела выраженной гегельянской направленности, не была насыщена абстракциями и конструкциями, – и вплоть до сегодняшнего дня для нее характерен интерес к различным аспектам философии культуры, вопросам этики и совершенствования человека.

Философия Канта оказывалась в центре внимания латвийских авторов в разные исторические периоды. Так, в конце XIX века, латышский философ Петерис Залите (Pēteris Zālīte, 1864 – 1939) защитил в Йенском университете докторскую диссертацию о понятии свободы в практической философии Канта. В советский период Кант также признавался значимым автором, ведь немецкая классическая философия считалась источником марксизма. Поэтому в 1981 году в Риге стало возможным проведение масштабного по тем временам философского конгресса, посвященного 200-летию «Критики чистого разума», с участием английских, японских, немецких и советских философов, включая докладчиков из Риги. И после 1990 года кантианское направление сохранило свою жизнеспособность: в 1993 году был отмечен юбилей «Критики способности суждения», продолжали разрабатываться диссертации по кантианской этике, эстетике и антропологии. Необходимо особо выделить работу над переводами основных трудов Канта на латышский язык, которая началась в 1980-х годах и длится по сей день. Наиболее важный вклад в это дело принадлежит профессору Рихарду Кулису – он перевел три критики Канта. Кроме того, труд Канта «Was ist Aufklärung?» перевел профессор Игорь Шуваев. А в довоенный период труды кенигсбергского мыслителя на латышский язык переводил Атис Ролавс: его неопубликованные манускрипты представляют собой часть культурного интеллектуального наследия Латвии межвоенного периода.

Стоит задаться вопросом, почему именно философия Канта сохраняет свою привлекательность в латышской среде? Возможно потому, что это философия «чистых форм», обращенная к понятиям порядка, долга, возможностям их сочетания с понятием свободы, со своего рода протестантским ощущением «философии труда». В разнообразном религиозном ландшафте Латвии наиболее крупные конфессиональные группы – это лютеране, католики, православные, а также этнорелигиозная община староверов, исторически укорененных на этой территории с конца XVII века. В этом контексте труд как понятие на глубинном уровне связан с поисками экзистенциального смысла – вспомним слова Зенты Маурини: «работаю, следовательно, существую». Характерно, что отношение к труду как к ценности на уровне констатации факта в латвийском обществе так или иначе закладывается, очевидно, еще в школьном возрасте, и многочисленные социологические опросы демонстрируют удивительно единомышленные части латвийского общества в признании труда в качестве одной из основополагающих ценностей. Однако зачастую халатное отношение к работе в современной Латвии заставляет задуматься, достаточно ли просто «поставить галочку» в нужном месте социологической анкеты, чтобы труд действительно стал высшей ценностью.

Возможно, особое значение философии Канта связано и с культурой космополитического мира, с идеей всеобщего гостеприимства в качестве основы прав «граждан мира» (см. трактат Канта «К вечному миру», 1795), которая с помощью идеалистических договоренностей о взаимном доверии могла бы уравновесить ситуацию, исторически сложившуюся на территории Латвии вследствие реальной геополитики, тактикой которой становилось разрушение и подчинение этого региона ради выгоды других государств. Однако вечный мир скорее интересует интеллектуалов, поскольку неискушенная публика работы Канта не читает. И тем не менее, в Латвии Кант – это своего рода философский «бренд», укорененный и в истории, и в современности.

Если на латвийскую философскую мысль в начале XX века преимущественно влияли романтизм, философия жизни, философия культуры, а также идеи Канта и постулаты классической этики долга, то в начале XXI века заметны следы, оставленные западной постструктуралистской и постмодернистской философией: Кант становится «затемненным»,¹ универсальная этика раздроблена с различных позиций знания, разделена на ситуативную, перформативную и гендерную; а разум ставится на один уровень с плотью настолько, что одна из философов принадлежащих сегодня к поколению «сеньоров», дала название своей монографии «Разум – не иллюзия» (Vuceniece 1999), намекая на то, что не стоит так легко оказываться от классического учения о рациональности.

¹ Так его охарактеризовала представительница молодого поколения исследователей, доктор философии Эльвира Шимфа. Для нее «чистый Кант», признающий априорные структуры, является «нечистым», более интересным с антропологической точки зрения. Šimfa, Elvīra. (2022). Kanta antropoloģija. Rīga: LU Apgāds.

Кафедра истории философии ЛГУ и ее воспитанники

В 1970 – 1980-х годах латвийские философы были тесно связаны с марксизмом-ленинизмом вследствие политических обстоятельств, не предполагавших никаких иных философских рамок. Однако кафедра истории философии Латвийского государственного университета собрала профессорский состав, в котором удивительным образом нашлось место и интеллектуальной оппозиции марксизму,¹ и развитию философии, направленной на национальные интересы латвийского народа,² а также универсальной этике, основанной на общечеловеческих ценностях.³ Профессор Август Милтс в свое время формулировал и собирал афоризмы на тему этики, считая их своего рода «квантами» мыслей, хорошим образовательным инструментом, развивающим как юмор, так и эссеистический стиль письма.

Когда в 1966 году в Латвийском государственном университете открыли программу философии, ее студентами стали молодые люди из совершенно разных социальных слоев – из семей коммунистов, диссидентов, художников, а также молодежь из сельской местности, стремившаяся сохранить определенный идеализм в период стагнации советской власти. С того времени факультет окончили более тысячи философов, оказавших значительное влияние на латвийскую философскую мысль, сложившуюся в 1990-е годы. Любопытным феноменом можно считать философские семьи, которые уже на протяжении нескольких десятилетий (1980 – 2020) составляют ядро латвийской философии: профессорская семья Мары и Андриса Рубенисов (с их сыном Рейнисом, финансистом с душой философа); семья профессора Юриса Розенвалдса и научного редактора Инты Розенвалде; семья профессоров Майи и Рихарда Кулисов и их сына Мариса Кулиса, доктора философии; семья Шуваевых – профессор Игорь Шуваев и жена Анджела – оба философы, их сын Андрис – специалист в области экономической антропологии; семья профессора Вии Силе и ее сына Вентса Силиса, ассоциированного профессора философии; семья проректора Высшей школы банковского дела философа Андриса Натриньша и доктора философии Иветы Натриня; философию не забывают и в семье дипломатов Яниса и Инги Карлсбергов и их сына Густа, магистра философии. В латвийской философии, так же как в искусстве, складываются профессиональные династии – на первых курсах философской программы университета нередко можно встретить повзрослевших детей родителей, окончивших когда-то философский факультет.

Анализируя историю развития философской мысли в Латвии, необходимо отметить, что уже начиная с XIX века идеи философского, этического, социального преобразования проявлялись в публичном дискурсе вопреки высокомерию, игнорированию или препятствиям, возводимым со стороны политической и экономической элиты. В отдельных случаях философские идеи о свободе человека,

¹ Так, доцент Оксана Вилните попала под подозрение «компетентных органов» из-за изучения и распространения произведений Джорджа Оруэлла и Александра Солженицына.

² Это направление разрабатывали профессор Петерис Лайзанс (Pēteris Laizāns, 1930 – 2005) и доцент Вилнис Зариньш (Vilnis Zariņš, 1930 – 2014).

³ Эту этическую теорию разрабатывал Август Милтс (Augusts Milts, 1928 – 2008). Milts, Augusts. (2000). *Ētika: personības un sabiedrības ētika: lekciju kurss Rīga : Zvaigzne ABC.*

переданные университетскими философами, становились стимулирующим фактором социальных перемен.

Философское измерение в осмысление истории мировой культуры внес автор более 20 монографий, профессор Латвийской академии художеств Андрис Рубенис (1951 – 2017). Его стиль изложения был совершенно особым, в большей степени обращенным к контексту системы образования, поскольку за время своей жизни он успел исследовать путь трансформации форм культуры от мифологических систем древнего мира, в повествованиях древних греков и римлян, вплоть до XX века – и вновь вернуться «на круги своя», отразив в новых книгах уже на более глубоком уровне именно судьбы философии в каждом из этапов истории. А. Рубенис был автором и двух книг о теоретической и практической этике (Рубенис 1996, 1997), которые прекрасно подходят для учебного процесса.¹

Одним из самых популярных учебников по философии стала книга Майи и Рихарда Кулис «Философия».² Книга предлагает дихотомический взгляд на философию: сначала дан обзор философской мысли в «горизонтальной» плоскости исторических эпох, а затем – «вертикальное» тематическое рассмотрение философских проблем и дилемм. Также стоит отметить философские учебники В. Кливе, И. Шуваева, И. Кивле и других латвийских авторов. На латышский язык переведено много книг по философии и этике, написанных иностранными авторами, – так что, в целом, за весь период с 1990 года читательская аудитория Латвии вполне обеспечена научно-популярной и учебной литературой, оригинальной и в переводах.

Обратная сторона современной ситуации, очевидно, схожая во многих постсоветских государствах, это – недостаточно серьезное отношение властей к необходимости изучения этики и философии. Политики проявляют свое внимание к философии лишь в требованиях разработать этический аспект программы той или иной партии, или государственного учреждения, или же разработать этический кодекс в документах для чиновничьего аппарата. Впрочем, есть и поддержка изучения ряда философских тем – например, поддерживаются проекты по феноменологии, по исследованию творчества Гердера и по религиозной философии.

Мераб Мамардашвили

В 1970-х годах в Риге появилась значительная фигура – Мераб Мамардашвили (1930 – 1990), грузин по происхождению, пишущий по-русски мыслитель, обладавший способностями магнетизировать аудиторию (Küle 2021a). Кафедра истории философии ЛГУ поддерживала приглашение свободных философов для академического общения со студентами. Лекции Мераба в советское время проходили при переполненных аудиториях. Хотя его идеями интересовались, в основном, советские философы, но были у него и читатели во Франции, куда его приглашали читать лекции по современной философии. Несколько раз он провел

¹ Одним из учебников по этике после 1990 года был: Lasmane et. al. 1994.

² Общий тираж этой книги, переиздававшийся несколько раз после первой публикации в 1995 году, составил (на 2021 год) 17 400 экземпляров. Она также была издана в переводе на русский язык.

курсы лекций в Риге и в Вильнюсе. Как философ он не создал определенной системы, но обращался к чувствам, состояниям и мыслям аудитории, и у части его слушателей память о его лекциях сохранилась на всю жизнь. Особенно слова о том, что философия – это состояние мысли, или что «дьявол играет нами, когда мы не думаем точно». На латышский язык был переведен сборник избранных статей «Радость мышления» (Mamardašvili 1994). Легенды о *живой философии* все еще свежи в памяти и философов, и людей из творческой среды Латвии.

С точки зрения Мамардашвили, философия – это бесконечная форма культуры, содержит в себе моменты, заданные целостностью, задатки, способные проявиться с помощью понятий, зависящих от степени самоконституирования философии. Именно эта концепция дала важный импульс к тому, чтобы поколение, мыслившее в 1980-е годы, стремилось к самоконституированию, а не оставалось бы в состоянии подчинения обязательному марксизму. Философия Мамардашвили была безусловно интернациональна, в ней не было очевидного влияния истории идей ни одного народа – ни грузинского, ни русского, ни какого-либо другого. Другими словами, это была философия свободы в нужное время и в нужном месте, каковым тогда и был стагнирующий Советский Союз. О нем в энциклопедии «Encyclopaedia of Phenomenology» (Küle 1997; ср. также: Küle 2021).

В период с 2010 по 2016 год докторанты философской программы Латвийского университета проводили *Чтения Мамардашвили* и издавали статьи о нем в сборниках на CD-дисках. Феномен Мамардашвили сложен для понимания этим поколением, поскольку становление этих молодых людей пришлось уже на период политической свободы, тогда как у Мераба одним из основных вопросов было то, как человеку подготовить себя к состоянию достижения свободы в совсем других условиях. Сейчас философские поиски в большей степени направлены на те вопросы, которые считаются прогрессивными, а не те, что служат достижению свободы, потому что свобода рассматривается как приобретенная величина, данность, за которую не нужно бороться.

Философская школа Мераба ориентировалась на свободу от идеологии, хотя идеологии ежемоментно появляются в разном обличье для «склеивания» общества. Поскольку считается, что философии в свободных странах ничто не угрожает – что на самом деле не соответствует действительности, принимая во внимание принятые во всем мире практики манипулирования обществом и потоки ложной информации, – то философия Мамардашвили до сих пор не была по-настоящему реализована.

Философия свободы и феноменология Мамардашвили пришли в Латвию в 1980-х годах, но что делало их настолько привлекательными в 1990-е – 2000 годы? По моему мнению, причина состояла в ориентации на доверие очевидной истине. Одна из наиболее искусных способностей мышления, которые стимулирует феноменология, это способность философского различения «что» от «как». Феномены, о которых размышляет феноменология, это глубинные слои сознания, которые открывают суть и описывают смыслы, а не поверхностные явления. Феноменология описывает переживания сознания, которые рассматриваются как самодостаточные, сами по себе, без необходимости сведения их к чему-то другому, в

том числе, отрицая присущую марксизму установку на редукцию и считая отправной точкой классовую борьбу, общественно-экономическую ситуацию, стремление к наживе, социальную действительность и т. д.

Один из тезисов Гуссерля, сформулированных в «Пяти лекциях», звучит так: наблюдение не поддается демонстрированию себя. Этот тезис обращен против тривиальной, наивной и безответственной массовой культуры, которая не ищет глубинных смыслов, обоснований, но жаждет лишь продемонстрировать себя. Феноменология учит пиетету в отношении к миру, однако это совсем не означает покорного смирения со всем, что происходит. Напротив, феноменология требует **анализа**, использующего интуитивный подход, дескрипцию, сохраняющую холистическое представление.

Увлечение феноменологией

Формирование феноменологии как школы в Латвии (в академической среде Латвийского университета принято именно такое обозначение) имеет достаточно долгую историю. Выше уже был упомянут ученик Гуссерля Теодор Целмс, с которого берет начало латвийская феноменология – однако он с 1949 года, жил и работал в США. Нет оснований утверждать, что в советское время хотя бы один философ в Латвии мог бы стать последователем Целмса или изучать его работы, – это было невозможно по политическим причинам: Целмс, а также Мауриня, Раудиве, Юревич были философами в изгнании, и их контакты с мыслителями в СССР не одобрялись.

Феноменологические исследования в послевоенной Латвии начались в 1980-е годы, когда развитие философской докторантуры (тогда это называлось аспирантурой) в Латвийском государственном университете оказалось под влиянием московского профессора Нелли Мотрошиловой (1934 – 2021), продолжавшей сотрудничество с латвийскими философами на протяжении более сорока лет. Необходимо упомянуть имя еще одного авторитетного русского феноменолога Виктора Молчанова, повлиявшего на философию в Латвии. Основной темой его исследований были сознание и время, позднее же он писал и о взаимоотношениях пространства и времени.

1982 год выбран точкой отсчета для этой статьи о сорока годах философии в Латвии не случайно. В это время в Риге в качестве дисциплины самоопределились феноменологические исследования, которые тогда назывались «критикой буржуазной философии» и собрали вокруг себя наиболее активную прозападнически ориентированную молодежь. Феноменология вдохновила на поворот к онтологическому взгляду, что нашло отражение в книге, опубликованной в 1988 году на русском языке «Проблемы онтологии в современной философии». Эта публикация свидетельствовала о философском освоении идей Эдмунда Гуссерля, Макса Шелера, Жана-Поля Сартра и Гедвиги Конрад-Мартинус (Hedwig Conrad-Martius, 1888 – 1966) в современной онтологической перспективе, что позволяло освободиться от рамок марксистской эпистемологии в представлениях о сознании и человеке.

Этот онтологический поворот в латвийской философии можно считать важнейшим моментом, поскольку он открыл новые возможности понимания таких направлений западной философии, как фундаментальная онтология Хайдеггера, онтология языка Гадамера, региональных онтологий Гуссерля, смыслового измерения социальной реальности и т. д. Вплоть до 2020-х годов это понимание, кажущееся теперь само собой разумеющимся, было присуще философской мысли в Латвии.

На перемены в латвийской философии – переход от советского догматизма к свободной мысли феноменологии жизни – оказали влияние философия Анны-Терезы Тыменецкой (Anna-Teresa Tymieniecka, 1923 – 2014) и феноменология действия Кароля Войтылы (папа Иоанн Павел II, 1920 – 2005). То, что получило развитие в последние 40 лет, укоренено в период, когда под официальным прикрытием марксизма появлялись новые побегии современных философских идей.

Латвийская феноменология получила международное звучание благодаря состоявшейся в 1990 году XXV международной конференции «Reason, Life, Culture», организованной Всемирным институтом феноменологии (World phenomenology Institute, президентом которого была А.-Т. Тыменецка) совместно с Латвийской академией наук. Вслед за этим в 1993 году была организована XXVII международная философская конференция в Юрмале, по материалам которой вышел сборник – 39 том *Analecta Husserliana* «Phenomenology in the Baltics». В целом, исследования в области феноменологии дали латвийским философам около 50 публикаций в серии *Analecta Husserliana*,¹ посвященных вопросам о структурах сознания, историчности, пространстве, времени, intersубъективности, ритме, понимании себя, телеологии. Эти публикации позволили раскрыть международной аудитории вклад латвийских мыслителей первой половины XX века (до 1940 года) в мировую философию и включение латвийских философов в мировую философию после 1990 года. В Риге монографии по феноменологии опубликовали Улдис Вегнерс «Сейчас» (Vēgners 2016), Инета Кивле «Феноменология звука» (Kivle 2009), Мара Киопе «Истина и язык» (Kiopē 2009) и другие.

Отдельным важным направлением исследований в Латвии является феноменология религии. Этой темой занимаются Солвейга Круминя-Конькова, Мара Киопе, Янис Вейш, Мара Гринфелде, а также преждевременно ушедший Никандр Гиллс. Одним из первых обобщающих трудов в этом направлении была статья Никандра Гиллса «Феноменология религии в 1920 – 1930-х годах в контексте религиозоведческих исследований в Латвии» (Gills 1995). Эта тема нуждается в дальнейших исследованиях, размышлениях и включении в международный интеллектуальный контекст, поскольку речь идет об общем духовном климате в межвоенной Латвии.

Жизнь в проектах

Наука в Латвии с 1991 года функционирует на основе проектных конкурсов. По результатам конкурсов гранты присваиваются лишь 8–10 процентам заявок,

¹ *Analecta Husserliana* издавалась в Kluwer academic publishers, а позднее – в Springer Verlag.

остальным же ученым приходится находить применение своим способностям в других сферах. Эта ситуация в долгосрочной перспективе привела к очевидной девальвации научного потенциала, что побуждает многих философов искать возможности продолжать обучение и работу за пределами Латвии. Покинув Латвию, молодые люди чаще всего не планируют возвращаться (Кажа 2019).

Своеобразным периодом в латвийской науке были 2008 – 2010 годы, в период мирового финансового кризиса. Тогда почти наполовину снизились возможности исследований и академической работы в сфере социальных и гуманитарных наук, а также в сфере высшего образования. В то время государство заботилось лишь об уменьшении финансовых трат, а не о вопросах формирования государственной идентичности, общенациональных ценностей, интеллектуальном развитии. Этот период вызвал устойчивое разочарование в перспективах научных исследований среди академических ученых, философов и преподавателей вузов. Возможности в 2021 году все еще не достигли уровня предкризисного 2007 года, поскольку базовое финансирование остается на очень низком уровне.

Отметим, что освобождение от увлечения экономическим детерминизмом происходит очень медленно. Показатели ВВП и объема экспорта в глазах политических деятелей по-прежнему находятся на «пьедестале богов», тогда как интеллектуальный, моральный и культурный уровень общества и вклад в него гуманитарных и социальных наук не является приоритетом. Доминируют отрасли STEM. Принято считать, что если бизнес не заработает в достаточном объеме, то ученым и философам не на что будет жить, поскольку они являются лишь необязательным дополнением к «меню» материальных благ. Похожие тенденции наблюдаются и в других государствах, в особенности в странах бывшего социалистического блока.

В целом, для латвийского культурного пространства, когда оно не находилось под влиянием очередной оккупации, была характерна прагматическая направленность, ориентированность на торговлю и бизнес в большей степени, чем на идею интеллектуальной автономии. В конце концов, не даром еще в XVI веке городские власти несколько раз отказывали в разрешении учредить Рижский университет, опасаясь, что это может помешать коммерции. Таким образом, философскую мысль в Латвии можно сравнить с торфом, впитывающим и удерживающим влагу, обогащающим землю кислородом и обеспечивающим почву для роста других растений, – но не с цветочной клумбой, на которой выращивают поражающие взгляд цветы.

Хайдеггерианцы

Однако нельзя сказать, что произрастающие на этом торфе растения остались незамеченными: упомянутый выше интерес к философии Канта в XXI веке дополнился целой плеядой хайдеггерианцев. Активно работает Общество Хайдеггера в Латвии. Готовятся переводы на латышский текст Хайдеггера: Рихард Кулис перевел «Лесные тропы» (Holzwege), подготовлен перевод важнейшей работы Хайдеггера

«Бытие и время» (Sein und Zeit). Члены общества издают свои исследования: профессор Райвис Бичевскис опубликовал монографию о философских взглядах молодого Хайдеггера, выходят сборники статей. Будущие философы, студенты Латвийского университета, видят в Хайдеггере «истинного философа», в текстах которого есть элементы непознаваемого, артистичности и тайны. Философская герменевтика стала популярной с начала 1990-х годов, Ханс-Георг Гадамер и Поль Рикер приобрели много последователей среди студентов и исследователей в Латвии.

Интересно, что почти на каждом курсе бакалаврской программы по философии есть страстные поклонники аналитической философии, которые стремятся ограничить такую «поэтическую увлеченность» хайдеггерианцев. Однако, хотя студенты в основном читают по-английски, аналитическая философия за последние тридцать лет так и не смогла всерьез укрепиться в латвийской академической среде – в отличие, например, от Финляндии и Эстонии.

Отношение к французской философии

Особое отношение в Латвии сложилось к французской культуре и философии. Территориально Латвия в свое время была частью Российской империи, в которой принадлежность к французской культуре и владение французским языком было знаком принадлежности к аристократическим кругам, чертой изысканного «петербургского стиля». Поскольку в Латвии доминировало немецкое дворянство, «французскость» в то время ассоциировалась с особой элегантностью, следованию петербургской моде, хотя зачастую это был лишь поверхностный флер. Немецкая культура однозначно доминировала в нашем регионе, что оказало существенное влияние на философскую мысль.

В межвоенный период в независимой Латвии появилась определенная склонность воспринимать Париж как идеал утонченности. Тогда художники получали стипендии от Фонда культуры на поездки во Францию. Философы читали труды французских авторов – начиная с Руссо и заканчивая Бергсоном, – не считая, что французская философия в чем-либо уступает немецкой. Возможно, в ней несколько больше задора, она увлекает публику больше, чем немецкий перфекционизм, зачастую утопающий в сложном кружеве мыслей. Доктор философии Андрей Балодис характеризует Паула Юревича, опубликовавшего многочисленные эссе о культуре в межвоенной Латвии, как последователя «новой рациональности» бергсонизма,¹ который привнес новизну в европейскую философию, стремясь уравновесить сферы применения научного метода и интуиции.² Балодис считает, что Юревич дал новую интерпретацию бергсоновскому понятию целесообразности и ввел новое понимание финальности, в котором объединены творческая эволюция и концепция идеалистической этики.³ Таким образом, в миграции философских идей произошло

1 См.: Jurevičs 1949.

2 Балодис Андрей подготовил рукопись о жизни и философии этого философа, в рукопись войдут главы, написанные покойными философами Элгой Фрейбергой и Иевой Лапинской, издание книги запланировано на 2022 год.

3 См.: Balodis 2015: 21.

двустороннее движение: в трудах Юревича проявилось французское влияние на латвийскую интеллектуальную среду, а также влияние латвийских мыслителей, в частности Юревича – на французскую мысль. И все же нет причин говорить о таком же значительном влиянии французской культуры на латвийскую философию, как немецкой, – Бергсон сегодня не является фигурой, привлекающей философские умы.

Сегодняшние философы время от времени находят новые фигуры в латвийском культурном интеллектуальном наследии. Примером такой новой фигуры является учившаяся в Страсбургском университете и в Сорбонне Милда Палевича-Бите.¹ В своей биографии она отмечает, что 1917 год в ее жизнь вошел с философской революцией, которой было учение Бергсона. Жизнь Милды Палевич была пестрой: она получила степень доктора философии в Париже, а после установления советской власти в Латвии была обречена на унижительные попытки добиться разрешения на публикации и занятия академическими исследованиями в каком-либо научном учреждении. Палевича была ненавистной фигурой для большевистского режима, а ее вклад в распространении французской философской мысли в Латвии замалчивался. Публикация в 2021 году ее дневников (Palēviča 2021) показала, насколько неинтеллектуальным и жестоким был характер коммунистической власти в Латвии в 1950 – 1970-х годах, и как сильно он ограничивал жизнь и творчество философов, получивших образование за границей. В 1950 – 1951 годах сталинский режим осудил и приговорил к высылке в Сибирь так называемую «французскую группу» интеллектуалов на основании вполне невинного – аполитичного – изучения французской литературы, переводов и распространения сочинений Альбера Камю.² Современной молодежи не понять, как можно применить такую строгую меру наказания просто за изучение французской философии. В наше время изучение французской мысли ушло от темы страданий, переключив внимание на мир, полный шарма, эстетства и открытости для деконструкции.

Идеи Деррида, в отличие от философии Хайдеггера, не особенно прижились на латвийской почве.³ Однако Мишель Фуко, чьи работы появились в Латвии в многочисленных переводах на латышский язык, получил широкое признание, в том числе и в творческой среде.

Все отчетливее становится тенденция того, что постепенно в центр внимания философии попадают не только тексты, но и сама личность философа, его жизнь в различные исторические периоды. Все чаще пытаются осмысливать философское учение через жизненный путь философа. Все заметнее стремление писать философские книги для более широкой читательской аудитории. Наглядным примером является увлекательная книга Нелли Мотрошиловой «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие – время – любовь» (Мотрошилова, 2013). Эта публикация стимулировала появление подобных книг и в Латвии, выявив интерес к «живой» философии, в которой важное место занимает личность философа, его жизненный

¹ Milda Palēviča-Bite (1889 – 1972).

² В составе группы была переводчица Майя Силмале, которой Лелде Стумбре посвятила свой биографический роман “Maija, Cher Ami!” (Stumbre 2017).

³ Впрочем, недавно Игорь Губенко написал и защитил диссертацию, посвященную идеям Деррида.

мир, а не только абстрактные построения мысли. В Латвии публикуется серия книг о жизни знаменитых философов (*Filosofiskā bibliotēka Letonika*) и лекции зарубежных гостей (*Filosofijas lekcijas Rīgā*).

Французскую философию в Латвии после 1990 года изучали профессор Мара Рубене, исследователи Риналд Зембахс, Игорь Губенко, а также преждевременно ушедшие профессор Элга Фрейберга (1956 – 2014) и молодая философ Иева Лапинска (1974 – 2010). В их публикациях нашли отражение идеи постструктурализма, а также прошли апробацию переводы сочинений таких авторов, как Мишель Фуко, Морис Мерло-Понти, Эммануэль Левинас и Жан-Люк Нанси.

В 1990 – 2000-е годы в Латвии одной из наиболее популярных фигур был Мишель Фуко. Его идеи о власти как множественности отношений силы, введенное им понятие биовласти и его представления об истории сексуальности в такой степени повлияли на латвийских интеллектуалов, что с размышлениями о биовласти можно было столкнуться буквально на каждом шагу – на выставках, в журнальных публикациях, перформансах. Однако в среде чиновников и государственных служащих идея биовласти не пришлась ко двору: им казалось, что они занимаются управленческой деятельностью ради благородных политических целей, а не участвуют в отправлении исторически обусловленной биовласти.

Говоря о влиянии французской феноменологии на современную философскую мысль, одним из наиболее важных сочинений в Латвии стала «Феноменология восприятия» Мерло-Понти (в переводе Р. Зембаха). Она оставила след не только в философии, но и в искусстве, географии, психологии и других сферах жизни в Латвии. Также оказалось, что философам XXI века близка феноменология Жана-Люка Мариона (Grīnfelde 2016; Pirkina 2019).

Критика общества потребления

Критику современного общества философы связывают с критикой общества потребления. Один из наиболее известных латвийских философов, автор более 20 книг и многочисленных переводов, академик, профессор Игорь Шуваев опубликовал большое число работ на тему критики культуры и ценностей, среди которых и книга «Забота о душе: судьбы ценностей» (Šuvajevs 2019). В 2000 – 2020-х годах он был увлечен философией искусства жизни (*Philosophie der Lebenskunst*), чему способствовала его дружба с одним из создателей этого направления – немецким философом Вильгельмом Шмидом, продолжающаяся и до сегодняшнего дня. Шуваев – проводник западных интеллектуальных ценностей, с 1990-х годов занимавшийся философскими проблемами психоанализа и возвративший эту тематику в Латвию с помощью переводов трудов Зигмунда Фрейда и монографии о нем. Также он писал о Карле-Густаве Юнге, Эрихе Фромме и других представителях этого направления. Этот труд можно представить в виде «философского поезда»: идеи в воображаемых вагонах доставляют латвийскому читателю философское наследие психоанализа в форме переводов, комментариев и книг. Без публикаций Игоря Шуваева было бы невозможно осознать и то, насколько развитой была глубинная психология в Латвии

до Второй мировой войны и насколько широкими были научные контакты латвийских ученых с западноевропейскими психоаналитиками.

Также и я – академик, профессор Майя Кулэ – обращаюсь к читателям с идеей о трех формах жизни в своей иллюстрированной монографии «Еврожизнь: формы, принципы, ощущения» (Kūle 2006) и в книге «Слова долженствования» (Kūle 2016). По моему мнению, признавая неотъемлемую принадлежность Латвии к европейской культуре, философия оставляет за собой право на острую критику современного общества, самодовольного и стремящегося лишь к наслаждениям, использующего для этой цели и социальные медиа. Иногда, по недоразумению, эта критика воспринимается как желание отказаться от европейского пути, что для латвийской философской мысли никогда не было характерно. Насколько бы ни была критической латвийская философская мысль, она неизменно подтверждает и обосновывает свою принадлежность к европейскому пространству. Речь идет не о возвращении туда, но о постоянном присутствии: «мы всегда были Европой, и поэтому можем участвовать в ее совершенствовании».

Внеакадемическая философия

Некоторый флер философского романтизма и связь с художественными практиками поддерживают и внеуниверситетские журналы философской направленности. С начала 1990-х годов издается журнал «Rīgas laiks»¹ (душой которого является Улдис Тиرونс), а также пользуется популярностью портал «Satori»² (ориентирующийся на постмодернистские и постлиберальные взгляды). Наряду с этим порталом в последние годы активно действуют еще два – «Punctummagazine»³ и «Telos»⁴; оба портала публикуют как литературные произведения, так и философские эссе, однако стремятся дистанцироваться от политики. Порталы, эссе, литературные формы – это способы сжатого философского высказывания, которое безо всякого сожаления заменяет формат пространственных философских монографий емкими и краткими формулировками в Twitter'e, Tik Tok'e и блогах.

Ни один из вышеупомянутых порталов не является абсолютным «властителем умов» большей части общества Латвии. В модернизированном латвийском обществе такое доминирование невозможно себе представить, однако в среде философов нередко высказывается сожаление, что в умах людей все чаще находят отклик теории заговора, различные суеверия и гороскопы, к которым публика проявляет больший интерес, нежели к интеллектуальным дискуссиям. Если скандальные новости привлекают более 50 000 читателей, то интеллектуальные издания выходят тиражом в 1 000 экземпляров. В этом смысле Латвия ничем не отличается от западного

¹ С 2012 года издается и русская версия журнала – «Rīgas laiks. Русское издание».

² Журнал доступен по ссылке <https://satori.lv/>.

³ Журнал «Punctummagazine» (название портала выбрано под влиянием работ Ролана Барта) издается с 2014 года и доступен по адресу <https://www.punctummagazine.lv/>. Журнал ориентирован на исследования, связанные с постструктурализмом.

⁴ Журнал «Telos» – это христианско-консервативная платформа, издающаяся с 2021 года и доступная по адресу <https://telos.lv/>.

потребительского общества: на первый план выступает наслаждение в материализованном или сексуализованном виде, а развитие интеллекта и моральных взглядов, как многим кажется, только препятствует получению удовольствия. В этом смысле закономерно, что латвийские философы в последние десятилетия не увлекаются морализаторскими размышлениями, зная, что это встретит в лучшем случае насмешку со стороны читательской аудитории. Впрочем, запрос Министерства науки и образования Латвийской Республики о консультациях по поводу внесения в Закон об образовании этических категорий (учение о добродетелях) вызвал фурор в интеллектуальной среде, которая расценила это как старомодное требование, препятствующее проявлению демократических личных свобод.

Постмодернизм, пришедший в Латвию в 1990-е годы, постепенно растворяется, оставляя после себя в наследство обществу яркие труды его представителей, переведенные на латышский язык: работы Жана Бодрийяра, Вольфганга Вельша и других (Bodrijārs 2000; Velšs 2005). С этим связана и серия переводных изданий по проблемам эстетики при поддержке Латвийского центра современного искусства (Latvijas laikmetīgās mākslas centrs).

Феминизм

В 1990-х годах как новомодное течение в интеллектуальных кругах закрепляется феминизм. Его идеи проникают в социологию, политологию, литературоведение, эстетику и даже философию воплощения (embodiment philosophy). В этот период издано значительное количество работ и переводов в области феминистской философии. Хотя в начале 2022 года отмечается стихание феминистских дискуссий в публичном пространстве, но актуальность этих установок сохраняется в достаточно закрытой среде его убежденных последователей, активность которых оказывает влияние на министерских чиновников (Министерство образования, Министерство благосостояния), включившихся в вечную борьбу за европейские ценности гендерного равноправия.¹

Гендерные исследования как самостоятельная дисциплина в Латвии не получили широкой поддержки в академической среде, однако их всегда сопровождали всплески феминистической активности, в надежде на идеологическую (и финансовую) поддержку со стороны европейских институций. Если в 1990-е годы феминизм был частью социологических и демографических исследований, то в последние десятилетия феминизм приобрел черты литературной критики, что хорошо видно на примере публикаций журнала «Feministica lettica», главный редактор Аусма Цимдиня. Мыслители этого направления увлекаются философией Люс Иригарей. (Lucy Irigaray). Иева Лапинска была в авангарде изучения феминистской философии, когда училась у Иригарей (после гибели Иевы Лапинской Иригарей посвятила ей как своей любимой ученице трогательные слова прощания). Радикальную феминистскую группу

¹ В другой формулировке – гендерного равенства, LGBT+ прав.

в настоящее время возглавляет Яна Кукаине (Kukaine 2016), в этих исследованиях внимание сосредоточено на женском теле и его проявлениях в искусстве.

Религиозная философия

Если в 1990-е годы публике были ближе размышления об этике и вопросах социальной ответственности, выраженные в свободной форме в проповедях лютеранских священников (например, Юриса Рубениса или Модриса Плате), то начиная с 2010-х годов возрастает интерес к философским рассуждениям в духе богословских традиций католицизма, к торжественным обращениям, публикациям посланий авторитетных представителей Церкви. Этому способствовало и то, что за последние три десятилетия Латвию с личным визитом посетили два понтифика. В 1993 году Латвию посетил Иоанн Павел II, высоко оценивший «феноменологическую школу» философии в Латвии, в центре внимания которой находятся вопросы ценности жизни. А в 2018 году состоялся визит папы римского Франциска. При этом нет оснований считать, что в основном секулярная по своему характеру латвийская философия, в связи с этим, приобрела более религиозный характер. Однако визиты таких влиятельных представителей Церкви, как римские понтифики, всегда порождают дискуссии об актуальных этических проблемах.

Станислав Ладусанс (1912 – 1993), философ, католический богослов и действительный член академии Св. Фомы Аквинского,¹ живший долгое время в эмиграции в Бразилии, в свое время говорил, что народ, для которого никто не написал тома метафизики на его родном языке, не достиг достаточного академического уровня философствования. Действительно, для латышских читателей не было написано такого тома метафизики на протяжении почти всей его интеллектуальной истории, – и не заметно, чтобы сейчас кто-то был заинтересован в создании метафизической системы.

После возвращения в Латвию в 1991 году Ладусану не удалось сформулировать метафизическую систему на латышском языке, хотя на португальском он создал объемную систему интегрального гуманизма и многогранную гносеологию, часть которой переведена на латышский язык. Вряд ли можно ожидать, что благодаря этим трудам в Латвии укоренились формы интеллектуального католицизма, хотя его распространением и изучением занимается филиал Папского Латеранского университета. Однако некоторое движение в этом направлении все же происходит. Так, архиепископ-митрополит Римско-католической церкви Збигнев Станкевич издал книгу о Бернхарде Вельте (1906 – 1983), ученике Хайдеггера (Stankevičs 2022). Также, Рихард Кулис работает над переводом работ католического богослова, иезуита Карла Ранера (1904 – 1984). В Латвии публикуются папские энциклики, обсуждаются проблемы современной семьи, роли женщин в обществе, миграции и этики.

Противостояние секулярной и религиозной философии в Латвии никогда особо не проявлялось. Можно утверждать, что теологическая и философская мысль гармонично сосуществовали, хотя Историко-философский и Теологический

¹ Философские взгляды Станислава Ладусанса изучала Мара Киопе

(восстановленный в 1990 году) факультеты Латвийского университета действуют независимо друг от друга. Их некоторое формальное сближение произошло в 2018 году после того, как была утверждена единая классификация Европейского Союза, по которой научная сфера их работы была определена в рамках одной категории – «Философия, этика и религия». Впрочем, институционального объединения факультетов за этим не последовало.

Институции

Философия в Латвии – наряду с правоведением – институционально существовала в системе Латвийской академии наук с 1981 года, когда был учрежден Институт философии и права (просуществовал до 1991). В 1991 году он был преобразован в Институт философии и социологии ЛАН, затем стал агентством, а с 2016 года – структурным подразделением Латвийского университета в статусе отдельного института. Сотрудничество с социологами дает импульс развивать тематику ценностей, идентичности, миграции и другие актуальные темы. Институт работает над сборанием устных свидетельств (oral history) и исследованием культурных нарративов, изучением социальной памяти, религии, включая исследования по современной философии религии, – этой рабочей группой руководит доктор философии Солвейга Круминя-Конькова.

Философию как образовательный предмет изучают на Факультете истории и философии Латвийского университета. Кроме университета, в Латвии нет институций, объединяющих философов в масштабное профессиональное сообщество. При этом действуют небольшие кафедры философии в Рижском университете им. Страдина,¹ Латвийской академии культуры, Даугавпилсском университете и ряде других ВУЗов. В Латвии есть около сорока докторов философии, активно публикующих свои труды. Их ряды пополняются не быстро: успешно защитившимся кандидатам присваивают докторскую степень примерно один или два раза в год.

Переводы как обогащение культуры и языка

Последние четыре десятилетия латвийской философии можно назвать и периодом активной практики искусства перевода. Этот период продолжается и сейчас, хотя поколение интернета не так сильно тянется к книгам на национальном языке, а, скорее, осваивает виртуальные просторы, где основным языком коммуникации является английский.

В 1990 – 2020-е годы переводы, преимущественно, выходили в сериях, имевших определенную тематическую направленность: классика, новейшая классика (вторая половина XX века), постмодернизм, новая эстетика, учебная литература, *Philosophy for dummies* и справочная литература.

¹ Сотрудники кафедры философии в Рижском университете им. Страдина разрабатывают темы биоэтики.

Зачем так много переводить? В основе этой деятельности лежит более широкая философская установка, нежели лишь способ заработка для издателей¹ или просвещенческий шаг навстречу читателям, не владеющим иностранными языками. В Латвии национальный и государственный язык – латышский,² который считается главной основой национальной идентичности. Такой подход характерен для малых наций, которые смотрят на себя, если так можно выразиться, с позиций философии Гумбольдта, где язык – это дух народа, его энергия. А если смотреть на это герменевтически, то язык – это картина мира, в связи с чем перевод рассматривается как практика, которая раскрывает не только конкретный текст, написанный на другом языке, но и другой мир, с его ощущениями, мыслями и идеями. Язык для латышей настолько важен, что референдум 2012 года, на котором был поставлен вопрос о возможности присвоить статус государственного языка еще одному – русскому – языку, вызвал острые дискуссии. Результат референдума – отклонение данного предложения подавляющим большинством, что показало высокий уровень сплоченности латвийского общества вокруг латышского языка.

Важным стимулом для занятия переводом является и терминообразование, словотворчество, обогащение латышского языка. Такое словотворчество заметно благодаря переводам сложных текстов, например сборника эссе Мартина Хайдеггера «Лесные тропы». Латышский перевод этой книги по-настоящему доставляет удовольствие философствующему читателю, поскольку тут латышский язык «подыгрывает» немецкому, позволяет найти созвучное хайдеггеровскому словообразование, чтобы передать сплетенную автором сеть мыслей и понятий.

При Латвийской академии наук работает Комиссия по философской терминологии, в задачи которой входит принятие решений по официальному признанию новообразованных понятий. Таких терминов настолько много, что не все термины утверждены, а со многими утвержденными согласны далеко не все читатели и редакторы. Перевод сложной философской литературы настраивает читателей и исследователей на своеобразный юмористический лад: какие еще новые слова будут выпущены «в люди»? В оценке новых терминов – на предмет их благозвучности и «страннозвучности» – принимают участие и лингвисты. Часто и сами философы создают нечто забавное, но, в целом, словотворчество воспринимается в качестве необходимой составляющей развития латышской культуры.

В 1980-х годах вышла важная серия переводов «Авотс» («Источник»): на латышском были изданы труды Аристотеля, Монтеня, Юма, Локка, Канта, Гердера, Фейербаха, фрагменты трудов Гегеля и ряда других философов. В библиотеке каждого интеллигентного латышского читателя эта серия была на почетном месте. В наше время гораздо больше знаний приобретается в интернете, и меньше – путем покупки и прочтения книг.

Наиболее активными переводчиками философских сочинений с немецкого языка сегодня являются профессора Рихард Кулис, Игорь Шуваев и Райвис Бичевскис.

¹ Условия книжного рынка в Латвии таковы, что философские книги не приносят прибыли.

² В Латвии есть еще и исчезающий язык второй государствообразующей нации – ливов; этот язык поддерживается государством, ради сохранения живой традиции, а не с научными целями.

Они перевели такие сложные произведения, как труды «Северного Мага» – Иоганна Георга Гамана, – работы современного Гадамера, прогрессивного Хабермаса, классического Макса Вебера, терминологически сложного Гуссерля и многих других философов. В 1990-е годы, когда в Латвии еще не было представления о «хороших инвесторах», серию переводов научных книг поддерживала международная программа «Издания для демократии» фонда Дж. Сороса. В рамках программы, действовавшей во многих постсоветских странах, был запланирован перевод около 100 книг – так много работ, увы, перевести и издать не успели. В конечном итоге вышло 36 книг в серии «Человек и общество», ставших основной литературой для студентов, осваивающих философию. Когда фонд Сороса сделал приоритетными другие сферы развития, отойдя от книгоиздания, Министерство культуры не стало продолжать поддержку серии переводов, в связи с чем работа переводчиков приостановилась и позже не всегда достигала поставленных целей.

Важно упомянуть, что заметным издательским проектом была инициатива Юргиса Лиепниекса и Арниса Ритупса по изданию комментированных переводов классических философских трудов, в том числе, сочинений Августина, Декарта, Юма, Остина и Витгенштейна, профинансированная Европейским фондом поддержки культуры. Еще одну серию переводов поддерживает Латвийский центр современного искусства, в фокусе которой труды авторов Франкфуртской школы критической философии и постструктуралистов, например, Джорджо Агамбена. Таким образом эта серия популяризирует постмодернистский взгляд на превращение искусства во все и всего – в искусство, что в Латвии происходит и в процессе модернизации Латвийской академии художеств.

Необходимо отметить и учреждение новых журналов, в том числе литературных и философских. Так, Леон Бриедис (1949 – 2020), один из наиболее уважаемых в Латвии поэтов, в частном порядке создал журнал «Grāmata» («Книга») в 1992 году. Позднее журнал был преобразован в ежемесячник «Kentaurs XXI» («Кентавр XXI»), в названии которого сливались воедино литература и философия. Издатели журнала – Леон Бриедис и вся его семья – выпустили 51 замечательный номер, каждый из которых был посвящен отдельной теме: истина и ложь, иное, отношение к животным, время, пространство, метафора и другие. В каждом номере была как статья латвийского философа, так и адаптированный к журнальному объему перевод философских текстов с самых разных языков (немецкого, французского, испанского, английского, румынского и др.). Этой журнальной серией Латвия по праву может гордиться. И жаль, что ее судьбу исковеркали поверхностные рассуждения (не)читающей публики, переживающей, что философия «растопчет» литературу (что, по моему мнению, могло бы пойти на пользу). Часть гуманитарной интеллигенции не могла простить народному поэту, который по определению должен был писать стихи, его слишком сильную увлеченность философией. После закрытия журнала в 2010 году, столь же влиятельного издания в Латвии больше не было. Да, есть журналы, соответствующие академическим требованиям (например, журнал Института философии и социологии ЛУ «Reliģiski-filozofiskie raksti» (Религиозно-философские статьи), которые обеспечивает исследователям необходимую статистику в базе *Scopus*,

но они отличаются от «Кентавр», бывший настоящим локомотивом философской мысли для широкой мыслящей аудитории.

В философской среде Латвии в наши дни доминирует английский язык. В этой связи сложилась парадоксальная ситуация – лучшие труды французских, немецких, испанских и итальянских авторов читают в переводе на английский. Английский язык стал языком-посредником, каким до войны был немецкий язык, а в советское время – русский.

Соответственно, стоит отметить латышские переводы английских книг по философии, изданные с уже упоминавшийся целью – увеличить понятийный запас латышского языка и открыть новые горизонты жизненного мира, производимые каждым переводом. Профессор Янис Вейш вместе с коллегой Янисом Тауренсом сделали переводы двух основных трудов Витгенштейна – «Логико-философский трактат» (Vitgenšteins 2006) и «Философские исследования» (Vitgenšteins 1997). В студенческой среде сразу же появилась тенденция становиться витгенштенианцами. Как ни странно, но в кругах лингвистов философские взгляды Витгенштейна не вызвали ни беспокойства, ни приверженности. В этих кругах не слишком обращают внимание на философию, а скорее спокойно продолжают привычную игру на своей части профессионального поля, не проявляя интереса к тому, что из себя представляет язык в целом.

Также профессор Вейш продолжил издательскую серию переводом книги Джона Остина (1911 – 1960) «Как делать вещи с помощью слов?» (Ostins 2011) и перевод книги Айрис Мердок об этике (Airisas 2021).

Выбор текстов для серий выпадает, прежде всего, на классиков – необходимых обществу авторов энциклопедического уровня, апробируя в Латвии уже давно освоенное на Западе философское наследие. Но иногда появляется нечто более занятное и дерзкое. Так, на латышский язык была переведена книга Ричарда Рорти «Случайность, ирония, солидарность» (Rortijs 1999), сделав неопрагматический стиль мышления более близким для латвийской интеллектуальной среды. Этот труд внес свою лепту в общем стремлении раскатать универсальные структуры и ввести философию в мир трансформаций и лингвистического непостоянства. Впрочем, точка зрения Рорти, хоть и присутствует в современном дискурсе, однако нельзя сказать, чтобы ею были увлечены латвийские философы. Более востребованным оказался перевод сочинений Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» и «Жизнь ума» (Ārente 2000; Ārente 2000 – 2001). В 2020-х годах Арендт стала одним из мыслителей, чьи идеи привлекают все большее внимание, а в Латвийском университете предлагаются даже спецкурсы по ее творчеству (лектор Эльвира Шимфа).

С обращением к английской философской мысли возобновился интерес к личности Исаяи Берлина (1909 – 1997), английского философа еврейского происхождения, проведшего раннее детство в Риге. Если для ориентированных на немецкоязычную философию значим Кант, то для предпочитающих англо-американскую мысль особое значение имеет Берлин. В 2011 году в Риге было учреждено общество Исаяи Берлина, ежегодно организовывающее открытую лекцию памяти философа, прочитать которую приглашают лекторов, обладающих

международной известностью. Тенденция выделять и популяризировать отдельную фигуру, символизирующую философскую идентичность региона, заметна во всей Европе: в Литве таким философом стал родившийся в этой стране Эммануэль Левинас (1906 – 1995), в Македонии – еще более масштабная фигура – Аристотель!

К философскому наследию Берлина в Латвии двойственное отношение. Так называемый неолиберальный портал *Satori* превозносит его идеи, а консервативный *Telos* критикует за неприемлемую интерпретацию либерализма. С 2020-х годов у нас стало формироваться более строгое разделение философских позиций с точки зрения содержания философских идей, а не по следованию «великим именам» (среди последних были, например, кьеркегорианцы, хайдеггерианцы, гусерлианцы или любители античной философии). Поскольку в идейные установки вмешивается политика, а в Латвии нет однозначности политической идентичности и идеологического дискурса, то левые часто могут высказываться как правые, а правые из-за своей категоричности зачастую превращаются в «революционеров»; центристы, в свою очередь, центром считают экономику и социальные программы, не обращая внимания на базовые ценностные установки.

Чего в Латвии действительно мало, так это социальной философии, обсуждения социал-демократических идей, моделирования будущего развития общества. Модели будущего чаще выстраивают физики и финансисты, но их видение все равно никогда не совпадает с реальным развитием ситуации. Прогностика – не самая сильная сторона латвийских теоретиков.

В большинстве своем латыши – тихий северный народ, без ярких экспрессивных проявлений. Именно поэтому страстные южане завораживают нас как в литературе, так и в философии. Наиболее значительный вклад в распространение испанской культуры в Латвии внес Константин Раудиве, романист и философ, переводчик «Дон Кихота» Сервантеса. Особенно сильная увлеченность Испанией латвийцев была характерна для 1920 – 1930-е годов, но потом она больше не повторялась (впрочем, но не исключено, что она еще проявит себя в будущем). Раудиве считал, что между латышской и испанской культурами есть некоторое сходство: в испанской культуре переплетены два начала – западное и арабское, а в латышской чувствуется взаимодействие европейского Запада и славянского Востока. Но есть и различия. У испанцев ощутимо присутствие мистики и таинственности, и наиболее распространенные образы (Раудиве упоминает, например, различные версии образа Дон Жуана) остаются игрой воображения, например, интимные перипетии героев являются плодом фантазии, а не проекцией реальности. Возможно, в Испании это заложено именно арабским началом, для которого не характерно афишировать личную жизнь и ее проявления. Раудиве пишет, что в испанском языке есть нечто суровое и патетическое, нечто мятущееся и беспокойное (Raudive 1992: 143). В силу этого северянам сложно проявлять эмпатию в отношении такой глубокой интимности и мистике.

И еще одна связь латвийской философии с испанской мыслью. В конце XIX века в Риге погиб испанский дипломат и философ Анхель Ганивет (Angel Ganivet y García, 1865 – 1898). Философский порыв Ганивета, заставлявший его работать даже во

время болезни, был укоренен в убежденности, что испанский дух (*Volkgeist*) требует пробуждения, демонстрации особой испанской красоты, национальной убедительности не в экспансивном, завоевательном поведении, а напротив – в интровертном стремлении к себе, в углублении в себя. Испанский порыв к духовному пробуждению увлекал латышских философов, развивавших и у себя тягу к живой жизни и национальному пробуждению.

Мотивы пробуждения

Такие типично романтически-национальные мотивы до сих пор распространены в национально ориентированной латвийской философии. Эта ориентация выражается не только в плане защиты позиций латышского языка, но и в смещении акцента с экспансивного и экспрессивного (что больше характерно для «русского» стиля) на интровертность. На лондонской Международной книжной выставке в 2021 году Латвия была представлена с произведением искусства *Introvert in Interior* с девизом *#iamintrovert* – «я – интроверт!» Психологически это соответствует ментальности нашего народа, как и большей части философских размышлений в современной Латвии. Если философские установки связывать с латвийской тематикой¹, то в большинстве своем в 2000 – 2020-х годах это реализовывалось в истории идей, исследовании миграции идей, история латвийской философии.²

В последнее время в Латвии вновь появился интерес к испанской философии: идет работа над переводом «Восстания масс» Ортега-и-Гассета, есть планы о переводах других его сочинений. Возможно, полвека назад Раудиве ввел в латвийскую философию особую тональность – интересоваться декадансом, поскольку такое культурное декадентство нередко сопровождается агрессивностью в политике. Малые и большие партии в борьбе за власть и свои интересы разъединяют народ и подрывают общее процветание. Единство, в основном, является декларативным, в политике доминирует принцип разделения и разнообразия.

Задача сегодняшней философии – распознать верный путь к единству и социальной ответственности, особенно сейчас, когда общество расколото пандемией. Философия должна занимать более четкие позиции, избегая догматизма и слишком абстрактной рациональности – такие трактаты больше никто не читает. Этому противостоит постмодернистская затуманенность, где нет ясных указаний на то, что «правильно», «истинно» и «стабильно». Об этом – в качестве реакции на девальвацию понятия истины – книга представителя молодого поколения латвийских философов Мариса Кулиса «*Finis veritatis?*», которая в 2021 году получила приз за лучшее достижение в латвийской науке (Kūlis 2021).

¹ В Латвии не раз объявлялся государственный конкурс на научные исследования в области Летоники – всестороннего изучения латвийской культуры

² История латвийской философии пока не собрана в одной книге. Существуют только сборники статей по этой теме. Как до сих пор не выполненную задачу необходимо отметить и недостаток обобщающих статей и монографий на эту тему на английском языке.

В свое время Константин Раудиве заметил, что часть общества верит, что путь, подсказанный чувствами и интуицией, может привести к совершенствованию человека – в силу этого излюбленный философами кантовский «чистый разум» должен уступить «витальному разуму» (разуму жизни). С витальным разумом связан и новый христианский синкретизм, объединяющий язычество и христианство в различные версии пантеизма, которые резонируют с эстетически идеализированной формой идеологии «зеленого курса» в Европейском Союзе. Философская самореализация в ближайшее время может выглядеть и как окрашенная в зеленый цвет, приближенная к экологическим проблемам, заботящаяся о судьбах планеты и воспитании общества.¹

Как видим, философская мысль современной Латвии балансирует между классическим рационализмом, романтизмом и интуитивизмом, в основном обходя стороной актуальную социально-политическую ситуацию. Влиятельной политической философии в Латвии на сегодняшний день почти нет, за исключением политических реминисценций, заменяющих философские теории. Самый заметный латвийский политический философ – ассоциированный профессор Ивар Иябс – , издав две книги об основах демократии и современности, был избран депутатом Европейского парламента и ныне использует подобающую депутату риторичку.

В последнее десятилетие в философской мысли Латвии можно констатировать плюрализм направлений, которому более свойственен интерес к вопросам социальной справедливости, чем к вопросам универсальной этики или морального нормативизма. Тематика *анормального* стала процветать в мышлении двадцатилетних интеллектуалов в 2020-х годах. Возможно, произойдет возвращение к «забытому марксизму» как инструменту преобразования общества – это может реализоваться в облике «бархатного марксизма», что позволит избежать обвинений в марксизме-ленинизме, связанном с преступлениями коммунистических режимов. Для старшего поколения, пережившего подавление свободы мысли доминирующей коммунистической идеологией, остается не понятным, почему миллениалы в наивной простоте добровольно стремятся вернуться к этим позициям как «прогрессивным», убеждая всех окружающих, что именно таков путь к освобождению и счастью. Курсы критического мышления, которые ведут теперь в ВУЗах философы, в первую очередь ориентированы на элементарную логику и навыки аргументации, на своего рода математику «малого разума». А вот предупреждение об опасности коммунистической идеологии и истории злоупотреблений ею при коммунистическом режиме, остаются мало внятными для молодых студентов, да и сама эта советская история кажется далеким прошлым.

Период с 2000 по 2020 год в Латвии можно считать временем укоренения западных философских направлений – феноменологии, кантианства, хайдеггериянства, философии культуры, философии религии, а также учений Людвиг

¹ Этой теме посвящен исследовательский грант Факультета истории и философии ЛУ в области философии природы (руководитель Артис Свеце) и международное направление эко-феноменологии, описанное в новейшем издании *Analecta Husserliana* (Springer, 2022) под редакцией Майи Кулэ и Даниэлы Вердуччи.

Витгенштейна, Зигмунда Фрейда и фрейдистов, Эриха Фромма, Карла Густава Юнга, Серена Кьеркегора и в меньшем объеме – идей таких католических модернистов, таких как К. Ранер и понтифик Иоанн Павел II (в его философской ипостаси). В последние годы на интеллектуальном горизонте начинают появляться и интеллектуальные течения, казавшиеся в 1990-е годы ушедшими в прошлое, – левый радикализм и новый анархизм – в неожиданной комбинации с неолиберальными ответвлениями в экономической и социальной теории, с методологией неокOLONIALИЗМА, с гендерными и квир-исследованиями, с идеями Славоя Жижека и т. п. На авансцену выходит поколение миллениалов, которое замещает кантовский «вечный покой» или гуссерлианское наблюдение острыми ощущениями, телесностью, ситуативной – а не деонтологической – этикой. Очевидно, что на протяжении следующего десятилетия латвийская философская мысль станет еще более фрагментированной и распадется на направления, в которых тон будут задавать не только новые тенденции в мировой философии, но и идеологические приоритеты, зависящие от актуальной политики. В число тем войдут обслуживание STEM-дисциплин без регулярного погружения в романтические размышления о движениях человеческой души.

Библиография:

- Airisas Mērdokas kultūrfilosofiskās esejas. (2021). Tulkojis J. Vējš. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Ārente, Hanna. (2000 – 2001). Prāta dzīve. Rīga: Intelekt.
- Ārente, Hanna. (2000). Totalitārisma izcelsme. Rīga: Elpa.
- Balodis, Andrejs. (2015). Nepabeigtā pagātne. Pētījums par Anrī Bergsona filozofiju. Rīga: FSI.
- Bodriņš, Žans. (2000). Simulakri un simulācija. Tulkojusi Sarmīte Madžule. Pēcvārda autore Māra Rubene. Rīga: Omnia mea.
- Brastiņi, Ernests. (1932). Cerokslis. Rīga: Latvijas dievturu sadraudzes izdevums.
- Buceniece, Ella (sast. un red.). (2005). Ideju vēsture Latvijā. I–II. 1. Sējums, Jaunā strāva – 20. Gadsimta sākums, Rīga: RaKa.
- Buceniece, Ella (sast. un red.). (2006). Ideju vēsture Latvijā. I–II. 2. Sējums, Jaunā strāva – 20. Gadsimta sākums Rīga: RaKa.
- Buceniece, Ella. (1995). Ideju vēsture Latvijā: no pirmsākumiem līdz XIX gs. 90. gadiem: antoloģija, 1. Sējums. Rīga: Zvaigzne ABC.
- Buceniece, Ella. (1999). Saprāts nav ilūzija. Rietumu filozofija modernisma situācijā. Rīga: Pētergailis.
- Buceniece, Ella. (2013). Pauls Dāle: Dievs un "filozofa lieta. Rīga: FSI.
- Chuhina, L. (1980, 1991). *Chelovek i ego cennostnyj mir v religioznoj filosofii*. Rīga: Zinatne.
- Chuhina, L. (1996). *Chelovek v religioznoj filosofii*. Rīga: Zvaigzne ABC.
- Gills, Nikandrs. (1995). Reliģijas fenomenoloģija 20.-30. gados reliģiju pētniecības kontekstā Latvijā. Laicīgais un mūžīgais: 149–173. Rīga: Lielvārds.
- Grīnfelde, Māra. (2016). Neredzamā pieredze: Žana Lika Marionas dotības fenomenoloģija. Rīga: FSI.
- Heidegers, Martins. (2011). Heidegera Rīgas rudens: Martins Heidegers Rīgā. Sastādītājs, zinātniskais redaktors R. Bičevskis. Rīgā: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.
- Jurevičs, Pauls. (1930). Le problème de la connaissance dans la philosophie de Bergson. Paris, докторская диссертация.
- Jurevičs, Pauls. (1949). Henri Bergson: Eine Einführung in seine Philosophie. Freiburg: Alber.
- Kants, Imanuels. (1988). Praktiskā prāta kritika, tulkojis Rihards Kūlis. Rīga: Zvaigzne, Rīga, вторая редакция (2011), Rīga: Zinatne.
- Kants, Imanuels. (2000). Spriestspējas kritika. Tulkojis Rihards Kūlis, Rīga: Zvaigzne ABC.
- Kants, Imanuels. (2005). Kas ir Apgaismība? Tulkojis Igors Šuvajevs. Rīga: Zvaigznes ABC.
- Kants, Imanuels. (2011). Tīrā prāta kritika. Tulkojis Rihards Kūlis, Rīga: Zinatne.
- Kants, Imanuels. (2020). Tikumu metafizikas pamatojums. Tulkojis Rihards Kūlis, Rīga: Zinatne.
- Kaša, Rita, Mieriņa, Inta (eds.) (2019). The Emigrant Communities of Latvia. National Identity, Transnational Belonging, and Diaspora Politics. Springer.
- Kentaurs XXI. (1992-2010), Главный редактор Леонс Бриедис. Rīga: Minerva.
- Kiope, Māra. (2009). Patiesība un valoda: Patiesības pieredzes iespējamība valodiskumā. Rīga: FSI.
- Kivle, Ineta. (2009). Skaņas filozofija. Rīga: FSI.
- Kivle, Ineta. (2011). Filozofija: teorētiska un praktiska mācība. Rīga: autorizdevums.
- Klīve, Visvaldis. (1996) Gudrības ceļos. Rīga: Zinatne.

- Klīve, Visvaldis. (1998). Rīcības ceļos. Rīga: Zinātne.
- Kovaļčuka, Svetlana (red.) (2014). Intelektuālās identitātes un vērtības. (Интеллектуальные идентичности и ценности).Filosofei Larisai Čuhinai - 100. - Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts.
- Kukaine, Jana. (2016). Daiļās mātes. Sieviete. Ķermenis. Subjektivitāte. Rīga: Neputns.
- Kūle M., Embree L., Edie J.M., Ihde D., Kockelmans J.J., Schrag C.O. (1997). Phenomenologie in the USSR. Encyclopedia of Phenomenology. Contributions to Phenomenology (In Cooperation with the Center for Advanced Research in Phenomenology), vol 18. Embree L. et al. (eds). Springer, Dordrecht.
- Kūle, Maija, Muižniece, Līva, Vēgners, Uldis. (2009). Teodors Celms: fenomenoloģiskie meklējumi. Rīga: FSI.
- Kūle, Maija. (2006). Eirodzīve: formas, principi, izjūtas. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.
- Kūle, Maija. (2016). Jābūtības vārdi: etīdes par zināšanām un vērtībām mūsdienu Latvijā. Rīga: Zinātne.
- Kūle, Maija. (2021). Phenomenology and Culture: Collaboration between Georgian and Latvian Philosophers. Philosophical – Theological Review 11: 21–38.
- Kūle, Maija. (2021a). One Hundred Years of Phenomenology in Latvia: 1920 – 2020. Horizon. Studies in Phenomenology 10(1): 15–44
- Kūlis, Māris. (2021). Finis veritatis? Par patiesību un meliem. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Lasmane, S., Milts, A., Rubenis, A. (1994). Etika: (voprosy, reshenija, vyvody): posobie dlja uchitelej. Riga: Zvaigzne.
- Latvia and Latvians. Rīga: Latvian Academy of sciences (<https://dom.lndb.lv/data/obj/771775.html>).
- Latvija un latvieši. (2018). Akadēmisko rakstu krājums. Rīga: Latvijas Zinātņu akadēmija (<https://dom.lndb.lv/data/obj/771497.html>).
- Mamardašvili, Merabs. (1994). Domātprieks. Sastādītājs un pēcvārda autors Ansis Zunde. Rīga: LZA Filozofijas un socioloģijas institūts.
- Mieriņa, Inta, Kaša, Rita (eds.). (2019). The Emigrant Communities of Latvia. National Identity, Transnational Belonging, and Diaspora Politics. 2014. Cham: Springer Open.
- Milts, Augusts. (2000). Ētika: personības un sabiedrības ētika: lekciju kurss. Rīga : Zvaigzne ABC.
- Motrošilova, Nelli. (2013). Martin Hajdegger i Hanna Arendt: bytie – vremja – ljubov' [from Rus.: Martin Heidegger and Hannah Arendt: being – time – love]. Moskva: Akademicheskij proekt.
- Ostins, Džons Langšovs. (2011). Kā ar vārdiem darīt lietas? Tulkojis Jānis Nameisis Vējš. Rīga: Liepnieks&Rītups.
- Palēviča, Milda. (2021). Dienasgrāmatas: 1911 – 1972. Sastādītāji Igors Šuvajevs, Maija Garkeviča. Rīga: Neputns.
- Pirkcina, Lasma. (2019). Das Ereignis. Martin Heidegger, Emmanuel Levinas, Jean-Luc Marion. Freiburg, München: Alber.
- Problemy ontologii. (1988). *Problemy ontologii v sovremennoj burzhuaznoj filosofii*. Rīga: Zinatne.
- Rortijs, Ričards. (1999). Nejaušība, ironija, solidaritāte. Tulkojusi Velga Vēvere. Rīga: Pētergailis.
- Rožkalne, Anita (Atb. red.). (2019). Latvija: kultūru migrācija. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds.
- Rubene, Māra. (2010). Aisthēsis. Mimēsis. Theōria. Rīga: авторское издание.
- Rubene, Māra. (2021). Da Capo. Rīga: Al secco. авторское издание.
- Rubenis, Andris. (1996). Ētika XX gadsimtā. Praktiskā ētika. Rīga: Zvaigzne ABC.
- Rubenis, Andris. (1997). Ētika XX gadsimtā. Teorētiskā ētika. Rīga: Zvaigzne ABC.

- Šimfa, Elvīra. (2022). *Kanta antropoloģija*. Rīga: LU Apgāds.
- Smirnov, A. V. (2021). *Tekushhie zadachi russkoj filosofii [Current goals of Russian philosophy]*. Online: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2021/doklad_smirnov.pdf (accessed 29.12.2021).
- Stankevičs, Zbigņevs. (2022). *Qou vadis, Rietumu pasaule?* Rīga: Zinātne.
- Stradin'sh, Janis (red.). (2019a). *Latvija i latyshi: akademicheskoe sobranie statej*. Rīga: Latvijas akadēmiskā zinātņu akadēmija (<https://dom.lndb.lv/data/obj/771777.html>).
- Stradiņš, Jānis (Galv. red.). (2013). *Latvieši un Latvija: akadēmiskie raksti. I–IV*, Rīga: Latvijas Zinātņu akadēmija.
- Stumbre, Lelde. (2017). *Maija, Cher Ami!: tulkotāja Maija Sīlmane – dzīve pēc saviem noteikumiem*. Rīga: Lauku avīze.
- Šuvajevs, Igors. (2007). *Filosofija kā dzīvesmāksla*. Rīga: Zvaigzne ABC.
- Šuvajevs, Igors. (2019). *Rūpēs par dvēseli: vērtību likteņi*. Rīga: Zinātne.
- Tymieniecka, Anna-Teresa (ed.). (1993). *Analecta Husserliana. The Yearbook of Phenomenological Research. Reason, life, culture I: Phenomenology in the Baltics. Vol. 39*, Dordrecht: Kluwer acad. Publishers.
- Vēgners, Uldis. (2016). *Tagad. Laika pieredzes fenomenoloģija*. Rīga: FSI.
- Velšs, Wolfgang. (2005). *Estētikas robežceļi*. Tulkojis Raimonds Bičevskis. Rīga: Laikmetīgās mākslas centrs.
- Vitgenšteins, Ludvigs. (1997). *Filosofiskie pētījumi*. Tulkojuši Jānis Vējš, Jānis Taurens. Rīga: Minerva.
- Vitgenšteins, Ludvigs. (2006). *Loģiski filozofisks traktāts*. Tulkojis Jānis Taurens. Zinātniskais redaktors un pēcvārda autors Arnis Rītups. Rīga: Liepnieks&Rītups.
- Zeltīts, Raivis. (2019). *Dr. Pauls Jurevičs un latviešu tautas misija*. Rīga: Domas spēks.